

Бухта ПОЛОВИНЫ Луны

Евгений Иванов

Евгений Иванов

Бухта половины Луны

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Иванов Е.

Бухта половины Луны / Е. Иванов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1472-2

С Тутси в поисках Америки. Американские приключения нон-стоп. Пятьдесят штатов от океана до океана. И страх, и ненависть, и любовь. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-1472-2

© Иванов Е., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1. Нью-Йорк. Начало	5
Глава 2. Нью-Йорк. Вдоль Гудзона	7
Глава 3. Нью-Йорк. Центральный парк	10
Глава 4. Нью-Йорк. Мидтаун	14
Глава 5. Нью-Йорк. Чайна-таун	19
Глава 6. Нью-Йорк. Бруклин	22
Глава 7. Нью-Йорк. Бруклин	28
Глава 8. Нью-Йорк. Квинс	30
Глава 9. Нью-Йорк. Бронкс	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Глава 1. Нью-Йорк. Начало

Внизу за бортом самолёта в сильном удалении, словно на спутниковой карте, медленно проплывала Калифорния. Вот Сан-Диего раскинулся в синих бухтах. Рядом скатывается с холмов мексиканская Тихуана. Бордовая линия границы протянулась меж ними.

Растерянно озираясь, я повертел головой в надежде обнаружить спинку впереди стоящего кресла, котлету в пластиковой упаковке или стюардессу в проходе. Ничего этого не было.

Животный ужас и неподъёмная тяжесть в глубинах пищеварительного тракта цепко держали в глухом ступоре. Я стоял на краю открытого люка турбовинтового ДНС-6, который на высоте четырёх с половиной километров трясло и болтало, как пьяного. Еле держащие ватные ноги не слушались. Мне оставалось сделать шаг вперёд, и я не мог заставить себя его сделать.

Сквозь вязь оцепенения в голове промелькнули картинки. Я здесь добровольно? За люком выл адский ветер и зияла бездна. Я попытался вспомнить, как же это вышло, и весь путь бешеной мозаикой промелькнул перед глазами. С чего же всё началось?

Самолёт до Нью-Йорка...

Солнечный луч, преломляющийся в битом стекле вагона, движущегося по эстакаде над закатным городом. Или нет... сначала яркие блики на прозрачных панелях огромного аэропорта. «Визит к партнёрам. На неделю, не больше, сэр!».

– When you're planning leavin' America?

– When I will live in America?

Иногда лучше просто улыбаться.

Заходящее солнце тает за окнами ньюйоркской электрички. Поезд в сторону Манхэттена. Над эстакадой в Бруклине взмывают птицы. Внезапный тоннель, грохот.

Рядом в тамбуре, подпирая огромные чемоданы, щебечут студентки из Венгрии. Перед въездом в тоннель открылся вид на город. Всё вызывает в них восторг и радостные предчувствия. Их ждёт страна-загадка.

Ведь где-то на юге простирается солнечная Флорида. Где-то там под вечно синим небосводом парят белоснежные пляжи Пенсаколы. Раздувает медью джазовый Орлеан. За стенами офисов, студий и редакций, за окнами одноэтажных домов и высотных небоскрёбов, за дверьми кофеен и пиццерий – кипит, бурлит неизведанная незнакомая жизнь. «Пятно в Мексиканском заливе! Гольфстрим остывает! Браки лесбиянок – узаконить! Как насчёт тетро-гидро, фолкс?». Язвительный Колберт в «Тайм». Стюарт на кабеле. Травля «Фокс». «Обама теряет авторитет! Железная Марта скоро снова сядет! Линдсей Лохан скоро выйдет!».

Кто знает, что ждёт тебя во всём этом безумии под названием «Большое яблоко»?

Сквозь шум мелодичный голос: «Центральный вокзал». Конечная.

Бросив вещи в отеле, через час я уже озирался по сторонам в восточной части Юнион на углу Бродвея и Четырнадцатой улицы. Встреча с деловым партнёром.

– Привет! Ну, как у вас тут дела?

– Всё лучше и лучше!

Говорят, здесь выживают только оптимисты.

Ночная прогулка. Город не спит. Туристы, толпы бездельников. Рассвет на мосту. Вино. Разговоры. С утра народ несётся на работу. Ранние пташки. Нужно всё успеть! Проверить новости. Детей в школу. В гольф-клуб на утренний кофе. Засадить деньги клиента на бирже. Смотреть с коллегами на ланч. Завернуть на судебный процесс. Посетить курсы вождения моторной яхты. Наведаться к любовнице. Заглянуть на коктейль-пати. Прошвырнуться по магазинам в поисках нового токарного станка. Покидать мяч с сыном.

Вставать рано, чтобы понять этот город! Ок.

Следующим утром я спустился к Бэттери-Парк, где дают в прокат велосипеды. Остров изрезан велосипедными маршрутами. Вместе с байком дадут и карту дорожек. Удобный способ познакомиться с городом. Что ж, за мной, читатель – давай посмотрим, что тут к чему...

– Главное – соблюдай правила, старик! – подмигнул мне парень за стойкой. – Просто привези мне обратно байк целым!

Я вскочил на педаль. Ловко оттолкнулся. Перемахнул с рюкзаком через раму. И, виляя в толпе, на полном ходу въехал в очередь, ожидавшую посадку на прогулочный паром к Статуе Свободы. Резко затормозив, я в мгновение ока съехал промежностью на раму. Кто-то из мужчин непроизвольно вскрикнул. Толпа расступилась, образовав круг. Раздались возгласы негодования.

Придерживая велосипед, натужно пытаюсь сделать хотя бы один вдох, мелкими перебежками, согнувшись, я спеша посеменил к выходу из парка. Велопрогулка началась!

Глава 2. Нью-Йорк. Вдоль Гудзона

Денёк разогревался. Я не спеша крутил педали по западной кромке острова. Вдоль причалов болтались лодки. Яхты спешили за надутыми парусами. Над пирсами повис мутный запах прокисших водорослей. Гудзон неспешно толкал свои воды в сторону океана.

Тихий океан привёл сюда по льду первых людей. Что-то случилось с ними в дороге. Когда прибыли европейцы, у индейцев не было даже колеса.

Инки, если надо было назначить свидание или сообщить время намечающейся потасовки, просто пальцем указывали в небе, где в этот момент будет солнце.

Майя напророчили конец света, но пропали сами.

Ацтеки любили путешествовать. Их дороги были благоустроены и хорошо охранялись. Можно было отпустить женщин без сопровождения. Курсировали гонцы и почта. В пути можно было отдохнуть, принять пищу и посетить уборную.

Североамериканские индейцы империй не строили. Чероки. Апачи. Гуроны. Красная охра на скулах. Чинуки. Семинолы. Команчи. Дым костра над равниной. Навахо.

Кристобаль Колумб пламенно верил, что до Индии можно добраться быстрее, если плыть на запад через Атлантику. Вопрос был лишь в средствах на экспедицию. Кого интересуют проекты взбалмошного фантазёра? Нищенская жизнь в стенах испанского монастыря. Аудиенция короля. «Санта-Мария». «Пинта». «Нинья». Сборы в дорогу. Три судна вышли из гавани города Палос-де-ла-Фронтера. Попали в сплошное месиво гнилых водорослей – Саргассово море.

Первый остров в Карибском бассейне. Нагие туземцы. Тела их были покрыты ритуальными узорами. В их простецких жилищах поблёскивали внушительные куски золота. Возле лачуг провисали диковинные гамаки. Они жевали и жгли сухие листья душистых кустов.

Наслаждавшийся добытой Индией Колумб туземцев так и окрестил – индейцами.

Вскоре быстроходные галеоны, фрегаты и каравеллы потянулись на новый берег. Потянулись государевы люди разных флагов за золотишком. Круша друг другу черепа, продвигались они вглубь континента, размечая наделы.

Лихие люди потянулись вслед за ними. Прибрежные воды закишели флибустьерами, сбывающими награбленное в новых портах. «Весёлый Роджер» идёт на abordаж! Боже храни «Мэйфлауер»!

Люди в пути рождаются и умирают. Океан забирает тех, кому дальше уже не нужно. Прощальные круги на воде преломляют глубинное свечение атлантической бездны.

Капитан Генри Гудзон первый бросил здесь якорь. Новый Амстердам!

Индейцы быстро торговали ненужный в хозяйстве островок. Бобровый мех очень нравится бледнолицым спутницам незваных гостей.

Бобры на прилегающих территориях быстро закончились. Бобровые войны уносят мужчин. Род Волка скудеет... Последний из Черепаш держит руку единственной Гиены. Они будут бесшумны! Вы догадаетесь о визите только по знакам и трупам. Они просочатся сквозь лес, будто лисы. Нападут неожиданно и исчезнут так же, словно тени.

Центральная тропа. Бродвей. Погонщики ведут скот на водопой. Ветер с Гудзона.

Я расположился предохнуть в кафе на набережной. Свежий ветерок задувал в окна кафе-терия. Солнечные искры металась в волнах. Тёплый день.

Телевизор над барной стойкой заканчивал трансляцию баскетбольного матча.

– Засранцы! – жарко прорвало вдруг бородача за соседним столиком. – Ты посмотри, что делают, суки! – он принялся протирать салфеткой жирные от курицы пальцы, бросая взгляды на экран.

Официант принёс мне омлет. Игра сменилась новостями.

Диктор сосредоточенно дождался окончания заставки и, вдохнув, начал. На экране появились расплывчатые снимки:

– Официальные представители НАСА пока отказываются от комментариев! Напомним, информация о сенсационной утечке впервые появилась на лентах информационных агентств вчера поздно ночью. На снимках видны объекты, которые наш источник характеризует, как управляемые и движущиеся с постоянной скоростью в сторону Земли.

Бородач смял салфетку и метнул её баскетбольным приёмом в корзину.

Бармен сделал погромче. Диктор передал слово взволнованному корреспонденту в Хьюстоне:

– Альтернативные источники подтверждают наличие крайне странных объектов в созвездии Тельца, но пока не решаются дать более точные характеристики. Пульсары нового типа? Вероятно! Эксперты также заявили и о возможных бликах на объективах фиксирующего телескопа.

Репортёр растерянно глянул на здание за его спиной и переложил микрофон из руки в руку:

– Параметры движения объектов приводят здесь всех в замешательство. Пресса с утра пестрит безумными прогнозами и предположениями. Реакция Белого дома пока неизвестна. У здания Пентагона с утра собираются пикеты. Мы продолжаем следить за развитием ситуации...

Бородач замер с пивом у рта:

– Какого чёрта долбаным пришельцам здесь надо? Хватает и проклятых поляков. Работу последнее время и так хрен сыщешь!

Кафе тревожно забурлило.

– Это знак! – уверенно обратился ко мне официант. – Это посланцы божие!

Он встревожено посмотрел на свои руки:

– Грядёт царство небесное, вот увидите!

– Кара небесная! – продолжил нагнетать бородач. – Ангелы ада приближаются, чтобы схватить за яйца проклятых барыг с Уолл-стрит. Страшный суд грядёт, вот что это такое! – он наконец отхлебнул и вернулся к еде.

– Страшный суд для тебя настанет, если ты не прекратишь пугать посетителей, Дуг, – бармен переключил канал. – К чёрту это дерьмо!

Я закончил оmlёт, расплатился и вышел.

Миновав толпу туристов и перевалив в районе 90-х улиц через холмы Риверсайд-Парка, я выкатился к кампусу Колумбийского университета. Старые здания кампуса увиты плющом. «Лига плюща». Обсерватория на крыше физического факультета.

Я бросил велик на газон, чтобы сделать пару снимков величественного здания из тёмного кирпича.

Здесь расщепляли атом в рамках «Манхэттенского проекта». Здесь на факультете был открыт дейтерий. Здесь же в подвале собрали первый циклотрон. Энрико Ферми, бежавший с семьёй из фашистской Италии, обрёл здесь пристанище и лабораторию.

Стеклянная дверь пикнула. Из здания вышли двое взлохмаченных в потёртых пиджаках: постарше и помоложе. Помоложе держал в руках большую чашку кофе.

– Ты спектрограммы видел? – он вынул из-за уха карандаш и поболтал им в чашке. – Об этих снимках с утра все телеканалы трубят.

– Я их видел ещё неделю назад, поверь, – ответил тот, что постарше. – НАСА не хочет огласки. Представь, что здесь может начаться.

Перекидываясь короткими фразами, они быстро скрылись за углом.

Я попытался догнать, но они растворились в пестроте студенческого кафетерия. Народ, перекусывая, готовился к лекциям. В углу среди книг и тетрадей томилась парочка в разноцветных кедах.

– Ты меня любишь? – вопрошала курчавая студентка с пёстрыми верёвочными феньками на руках.

– Угу, – не отрывая головы от записей, отвечал кучерявый очкарик в толстом свитере.

– Если они прилетят, ты меня спасёшь? – продолжала допытываться она.

– Господи! Да это, может быть, будет самый счастливый день для всего человечества! – он приподнял наконец шевелюру над бумагами. – Что, если они несут нам новые знания? Технологии. Лекарство от рака. Доступ в галактический интернет! – он склонил голову над ноутбуком и нажал пару клавиш.

– А что, если они летят, чтобы всех убить и высосать наши мозги? – она с тревогой положила подбородочек на кулачки. – Прилетят и направят на нас лучи. И все мы станем делать страшные глупости. Ты станешь целоваться с Бекки Лиз или с Даниэлой.

– Я не стану целоваться с Бекки Лиз. Хотя... – его взгляд слегка затуманился, но он быстро спохватился. – Прекрати! Нам несут свет знаний. Иначе стоило бы вообще тащиться через всю галактику. Власти наверняка в курсе. Всё под контролем.

– Почему они скрывают от нас правду? – она подвинулась к нему ближе.

Я допил кофе и вернулся на Бродвей.

Солнце зашло за частокол зданий. Серое облако повисло над парком. Все эти тревожные слухи слегка выбивали из колеи.

Пора было посмотреть что-нибудь действительно стоящее.

Глава 3. Нью-Йорк. Центральный парк

– Хийа! – раздалось вдруг где-то сбоку, и мощный удар обрушился на светофорный столб на углу 101-й улицы.

Опустив ногу, шустрый азиат пружинисто присел, выпрыгнул вверх и пнул столб ещё раз.

Не достигнув результатов, он принялся обрабатывать железину ногами и руками, и потом навалился на неё всем телом. Мимо медленно проехал полицейский кэб.

Наконец загорелся зелёный. Все двинули на другую сторону – ко входу в парк. Азиат бросил разборки со столбом до завтра и, воткнув в уши музыку, потрусил вперёд всех. Спешившись, я вёл велик за руль.

Дорожки Центрального парка кружат и плутают. Вы всё время меняете стороны света, постоянно путая и ошибаясь – с этой стороны Ист-Сайд или это Вест-Сайд?

Бегущих здесь больше, чем просто гуляющих. Сразу же хочется бросить всё и бежать. Впрочем, такое ощущение подстерегает повсюду. Город бежит!

Бегут навстречу. Догоняют и обгоняют. Бегут по мостам. Вдоль набережных. По паркам и авеню. Бегут на юг, север, восток и запад.

Тонус, мышцы и фигура: «Who do you think you are, bitch!». Мышечная память первоходцев. Человек, шедший перед вами по улице, вдруг отпрыгивает в сторону, повисает на случайной железке в стене, чтобы двадцать раз поднять своё тело. Он сделал это здесь в первый раз, повинувшись инстинкту, или это ритуал по пути на работу?

Любое место без церемоний может стать на пару минут спортзалом. Сплошь и рядом можно обнаружить людей, подпирающих стены, пытающихся сдвинуть столбы, светофоры или колонны на станциях метро. Дай волю – они разломают город в минуту.

Вот кто-то в подземке в восемь утра, словно Мюнхгаузен, вытаскивающий себя за волосы, упираясь ногами в пол, пытается приподнять кресло, на котором сидит. Мартышкин труд наконец работает! Клерк повис на поручне в тщетных попытках выдрать его с корнем. Старушка, словно восставший атлант, выкорчёвывает телефонную будку на платформе, упервшись двумя руками в свод козырька.

В ходу любая свободная минута. Нет времени на ланч – ломай стены в офисе!

На входе в парк огромный чёрный мускулистый гигант, привязав себя крепким жгутом к скамейке, распластавшись над землёй, словно бурлак, с пронзительным шипением последних усилий тщетно пытается тащить её прочь.

Парк между Пятой и Восьмой авеню здесь заложили ещё в середине девятнадцатого века. Население быстро росло. Гулять по кладбищам можно, но страшно. Нужен парк!

Традицию бить парки в центре города завещала Европа. Если уж океан пересекли – должно быть, значит, всё с особым размахом. Утереть нос Старому Свету – извечная национальная потребность.

Когда в начале нового века стали модернизировать – тоннель под парком заложили сразу в проект. Дорога сквозь парк для машин была в проекте тоже. Густой кустарник по всему парку, скрывающий технические коммуникации, был запланирован тогда же. Жителей с территории за компенсацию переселили, а поселения снесли.

Мостки. Лужайки. Аллеи. Искусственные озёра полны живых уток. Замки. Музеи. Зоопарк. Некоторые получают осложнения и бронхит, днями валяясь на траве, в попытках сделать удачный кадр в глубинах парка, где гнездятся сотни видов птиц. Все работы в парке выполняют только волонтеры. Просто выбери прямо на сайте, чем можешь помочь и приходи.

Вопреки киноштампам Центральный парк по статистике самое безопасное место в городе. Впрочем, ночью опасно везде. Любой мегаполис набит психами.

Изъездив глухие тропки и поляны, я заблудился наконец совсем, уперевшись в тихий угол с потемневшим монументом.

С постамента взирал уроженец городка Ном. Застывший лик, окрашенный вековой патиной. Легендарный герой, спасший детей от гибели. Его взгляд был преисполнен мужественной решимости. Не каждый способен возглавить трудную экспедицию в ледяном заполярье и доставить сыворотку для больных в срок. Газеты быстро разнесли драматическую историю, и спасатель проснулся национальным символом. Предприимчивые компании стали тиражировать узнаваемый образ, организовали тур по стране, но когда ажиотаж утих, оказалось, что герой забыт и заброшен, пробивается выступлениями в небольшом театрике и даже временами получает от хозяев заведения раздражённую взбучку.

Возмущенные граждане, узнав об этом, начали сбор денег. Выкупить контракт у жестоких владельцев! Даровать свободу несчастному артисту, имя которого уже знал весь мир. Героя тут же нашли, обогрели и приласкали. Легендарный пёс Балто переехал в Кливленд на тёплую квартирку и полное обеспечение. Непыльная работёнка – творческие встречи с детьми и домохозяйками, волнующие воспоминания о нелёгкой холодной дороге.

Над парком пролетел полицейский вертолёт. Дунул лёгкий ветерок.

Слегка отдохнув, я решил двигать сквозь тенистую аллею к выходу. Хвоя и шишки под ногами. И вдруг:

– Чарли, осторожно! – раздался внезапно возглас, и к переднему колесу упала замусоленная сучковатая палка.

Я резко остановился. Вслед за палкой прямо на моём пути из кустов вдруг возник чёрный пудель с игривой серебристой прядкой на курчавом загривке.

– Чарли, чертёнок! – снова повторился возглас, и из-за поворота на дорожке показался высокий мужчина в элегантном чёрном берете.

Лет он, пожалуй, как я потом пытался вспомнить, был почтенных, но выглядел весьма подтянуто. Острые черты лица стягивала загрубевшая кожа. В уголках рта блуждала лёгкая улыбка. Глаза лучились открытым задором.

«Пальто цвета “виски и дорогие сигары” на прогулке с псом? Годится, если живёшь в хорошей квартирке у парка... Владелец ирландской вискикурни?» – предположил я. Хотя может что-то в нём было вроде и от немца. От него веяло ледяным спокойствием и миллионом долларов.

– Вот ты где, озорник! Набегался?

Он широко улыбнулся и, стащив с левой руки кожаную перчатку, освободил две верхних пуговицы. На пальце блеснул драгоценный камень. Пудель потребовал взять палку.

– Спасибо, что придержали сорванца! – обратился он ко мне. – Утомил сегодня изрядно. Заметив скамейку, он стащил вторую перчатку и не спеша сел, отдуваясь.

Я нагнулся, чтобы оказать любезность псу – кинуть палку.

Чарли, недобро фыркнув, посмотрел на меня и наступил на неё. Некоторые собаки чувствуют мне нечто кошачье за версту.

Приметив рядом со скамейкой питьевой фонтанчик, я прислонил велосипед, и, припав, начал жадно пить. На тот момент я проехал уже с десятков миль. Тёплая струя не давала отдохновения, но утоляла. Почувствовался даже некий абрикосовый привкус, словно наваждение.

Сбоку легла тень – кто-то принялся шумно хлебать воду в соседнем низком фонтанчике. Скосив взгляд, я оцепенел! Чарли небрежно облокотившись, стоял на задних лапах рядом и, нажав кнопку, лакал воду.

– В цирке, наверное, научился, – легко пояснил незнакомец.

Он достал расчёску и разгладил жёсткие вихры, тронутые сединой.

– Купил его год назад на ярмарке в Провиденсе. Какая стояла погода. Как сейчас!

Чарли удовлетворил свою насущную потребность и снова опустился на четыре лапы, лихо утерев усы.

Из кустов, ведущих к дорожкам, протиснулась на нашу полянку фигурка в велосипедном шлеме и с байком.

Она остановилась и оглядела нас.

Чарли прижал уши и затаился.

Свет упал на лицо под шлемом, когда она повернула голову.

Я не видал ничего красивее никогда, возможно.

Иногда всё происходит слишком быстро.

– Простите, у вас насоса не найдётся? – она кивнула на вялую покрывку и улыбнулась.

Где-то в ветвях певчий соловей толкнул в воздух аккорд. Он достиг меня в полном объёме и цвете. Ударная волна прицельной трели. Гармоника октав. Здесь, и вправду, много птиц.

– Насос? – я растерянно обернулся к фабриканту и снова посмотрел на неё, пытаюсь сконцентрироваться на вопросе.

– Да, – она снова улыбнулась.

Хоры, торжественно выводя нежные рулады небесной кантилены, перешли в звенящий мажор. Где-то в тёмной кроне зашелестели ангельские переливы.

Фабрикант с интересом разглядывал деревья. Чарли раздумывал: сбегать ли за палкой ещё разок.

Она сняла шлем.

Непослушный сноп жёстких завихрений расправился и упал с чуть склонённой головы. Она завела волосы за шею. В листве запрыгало солнце.

– Элиза, – протянув руку, просто представилась она.

Я качнулся с протянутой рукой вперёд, и, кажется, не сразу попал в её ладонь.

Луч отразился в её глазах, сверкнув ярким бликом весело.

– Эта камера сводит меня с ума. Мне осталось всего два круга, и я, кажется, потеряла чёртов насос или забыла его дома.

Я протянул насос, глупо улыбаясь.

– В наше время милые девушки не поминали чёрта всуе, вот так вот запросто! – подключившись, задорно расплылся в улыбке ирландец. Или что-то от немца в нём было всё-таки?

– Пара безобидных упоминаний того, что не существует – ещё ни кому не навредили, – весело отмахнулась она. – Пар как-то надо выпускать, верно?

Она присела и выпустила немного воздуха, нажав на золотник.

Я опустился на траву.

Фабрикант принял от циркача палку и метнул её в кусты. Чарли отправился её добывать.

Элиза пристроила насос и принялась качать, отказавшись от мужской помощи.

– Говорят, в Лондоне по городу ходят автобусы, – неожиданно начал тему фабрикант, разглядывая ветви.

– «Возможно бога нет!» – гласят надписи на бортах, – он заинтересованно обернулся ко мне. – А! Что вы думаете?

Я прислушался: о чём он говорит?

Элиза сжимала в руках насосную трубку и нагнетала воздух парка в лёгкие слабой покрывки. Губы разомкнулись от интенсивного дыхания. Меж ними сверкнули белые искры.

– «Хватит беспокоиться – просто живи!» – каково? – не унимался с озорством незнакомец.

– Согласна на все сто! – рассмеявшись, подхватила Элиза, загоняя воздух в камеру резкими толчками. – На факультете говорят: бог – лишь пучок нейронов в голове. Я не против религии. Если бог – программа, то заповеди – протоколы!

Она послунывила палец и проверила: нет ли утечки в ниппеле.

– Бог – программа... – задумчиво погрузился ирландец. – Любопытно. Кто же... Что же, тогда такое – Дьявол? – ещё более задумчиво, словно вглядываясь куда-то внутрь, спросил он.

– Вирус! – изрекла Элиза и, пнув упругое колесо, протянула мне насос обратно.

Я встrepенулся и схватил его из её рук. Попал в этот раз.

Незнакомец посмотрел на нас.

Чарли сплюнул палку на хвойный ковёр и криво оскалился.

Солнце скрылось за деревьями, снова дунул ветерок. Стало темнеть.

Собрав волну непослушных струй в пучок на затылке, она, склонившись, пристроила их в купель шлема и, выпрямившись, закрепила его на голове. Я видел, как ремешок лёг на её скулу только с одной стороны. Наверное, с другой стороны он лёг так же... Я не видел другой стороны.

– Вы, конечно, слышали об этих странных объектах, о которых кричат с утра все вокруг? – произнёс вдруг ирландец, разглядывая низкие облака.

– В созвездии Тельца? Так это, наверное, администраторы сети. Летят перезагрузить сервера! – залилась весёлым смехом Элиза, регулируя высоту сидения.

– Сервера... – медленно протянул владелец вискикурни и, откинув голову, оглядел верхушки деревьев. Над ними в окнах высотных домов вдоль Пятой авеню отражалось покрасневшее солнце. Проступили робкие звёзды.

– Меркурий в небе. Венера видна. Телец придёт... – стал он что-то бормотать невнятное. – Да-да. Нам предстоят интересные истории, друзья. Что ж, удачи!

Он поднялся и, кивнув нам, не спеша стал удаляться в сторону выхода из парка. Чарли совершенно по-хамски лихо оскалился и, словно бы подмигнув, посеменил следом.

Элиза вскочила на велосипед и, бросив пару слов благодарностей, скрылась в листве, оставив только пронзительный аромат какого-то летучего соединения. Я обессилено остался дышать этим на пустой земле, тревожно вглядываясь в тёмные окна Рокфеллеровского центра на Сорок девятой улице. Над высотками стали собираться тучи. И вроде как-то похолодало.

Глава 4. Нью-Йорк. Мидтаун

– Бамба эре, бамбата! – высунувшись вдруг из жёлтого кэба, заорал на меня иссиня-чёрный мужик.

Слегка опешив, я приготовился за что-нибудь извиниться, но тут сзади раздался не менее громогласный окрик:

– Бумба эре, бангоро! – выкатив белки, истошно орал в ответ абсолютно чёрный водитель соседнего кэба.

Опустив ногу на асфальт и придерживая велосипед, я стоял на светофоре в районе Пятидесятой улицы между двумя жёлтыми машинами со светящимися рекламными коробами на крышах.

Старый, как мир, диалог двух извозчиков в две секунды перерос в потенциальный очаг гражданской войны. Под пулемётным огнём забористых африканских ругательств я стал переживать – как бы кто-нибудь из них не достал ржавый карабин или нож. Кто знает, какие старые болячки эти односельчане прихватили с собой с родины в эмиграцию. Может жертва узнала палача. Или брат встретил обидчика сестры. А может клиента на предыдущем светофоре не поделили?

Клиент присутствовал тут рядом. Он нервно взирав на меня с заднего сидения сквозь приоткрытое стекло первого кэба. Кто знает, что будет происходить дальше? В городе, где у каждого потца в кармане может оказаться пушка – можно ожидать чего угодно. Будешь улыбаться.

Я всем улыбнулся.

Зажёгся зелёный и кэбы двинули по Пятой авеню дальше, а я, пропустив автобус, вынырнул из плотного трафика на Сорок девятую улицу к Рокфеллеровскому центру.

На углу над лотками вздымался аромат прожаренных хот-догов. Гудящая пробка заполняла нестройными звуками переулочек. Вечерний туман стелился в районе тридцатых этажей. Не доставало только выкриков разносчиков газет или чистильщиков обуви. Газеты давно уже разносит вай-фай, а обувь чистят автоматы.

Рокфеллеровский центр представляет собой большой комплекс из гряды высотных зданий, у подножья которых замёрз каток.

Строилось всё это в Мидтауне в тридцатые на деньги семьи Рокфеллеров. Потом всё выкупила японская «Мицубиси». Сейчас здесь штаб-квартиры крупнейших корпораций. Аукционный дом «Кристис» держит здесь офис. На крыше Рокфеллер-Плаза гнездится смотровая площадка с видом на город.

В этом же здании располагаются павильоны телестудии «NBC». На вечернее шоу «Saturday Night Live» можно купить билет. Особо рьяные поклонники шоу, которым билет не достался, могут присоединиться к огромной очереди с чёрного хода, и, если будут свободные места, выскочит человек и пропустит несколько счастливых. Остальные с шумным вздохом разбредаются по домам и отелям. «Saturday Night Live» идёт в прямом эфире уже более тридцати лет. Это комедийное шоу имеет огромное влияние на умы нации.

В ту избирательную кампанию, когда победил Обама, страну пьянил выбор между возможностью увидеть в Белом Доме первого чернокожего президента... или первого вице-президента женщину. Первый кандидат шёл от демократов. Второй от республиканцев. Популярная ведущая Тина Фей сняла на кандидата в вице-президенты Сару Пэйлин серию убийственных пародий, и это назвали одним из наиболее значимых факторов, повлиявших на исход выборов.

Что уж говорить, талантов у Тины Фей множество. И писатель, и популярный комик, и актёр, и продюсер, и сценарист. «NBC» выпустило на экраны комедийный сериал «30 Rock» – о том, как делается «Saturday Night Live». Тина Фей написала сценарий и сыграла саму себя.

Сериал получил громадную аудиторию и любовь публики, а также тридцать восемь номинаций «Эмми» и два «Золотых Глобуса».

Название сериала восходит к адресу студии – дом тридцать, Рокфеллер-Плаза. Именно по этому адресу на площади возле катка каждый год наряжают главную рождественскую ёлку. «NBC» транслирует живую картинку включения огней.

Рокфеллер, когда строительство здания уже подходило к концу, для украшения фасада задумал заказать какую-нибудь жизнеутверждающую фреску. Очень ему хотелось, чтобы работу сделал Анри Матисс или Пабло Пикассо, но оба были слишком заняты, чтобы взять заказ.

В итоге на фреску подрядился мексиканский живописец Диего Ривьера.

Прогрессивный автор под впечатлением напористого соцарта, который тоннами пёр в те годы из народившейся Советской Республики, изобразил на фреске московскую первомайскую демонстрацию и Ленина с Троцким во главе.

В центре композиции вполне в духе соцреализма главенствовал Рабочий с пудовыми кулаками. Присутствовали: радужные лучи, космос, трубы и жилистая рука крепко сжимала земной шар. Магнат таким задорным пролетарским оптимизмом остался крайне недоволен. Фреску сначала закрыли брезентом, а потом и вовсе демонтировали. Взамен поставили не менее прогрессивную фигуру гиперболически мускулистого исполина, вздымающего над головой мирный атом.

Оскорблённый до глубины души художник воссоздал злополучную фреску позже на родине в оперном театре города Мехико.

Обзорная площадка «Top of the Rock» на семидесятом этаже Рокфеллер-Плаза открылась сразу же в тридцать третьем, когда здание было закончено. И вы, наверное, видели эту знаменитую фотографию рабочих, обедающих, словно птицы, на узкой металлической балке над бездной Манхэттена. Фотограф Чарльз Эббет сделал этот снимок за год до окончания строительства, и «Нью-Йорк Херальд Трибьюн» тут же украсила им главную полосу.

Я упёрся лбом в толстое стекло обзорной площадки и попытался разглядеть внизу людей. С высоты двухсот пятидесяти метров машины превратились в медленно ползущие точки. Людей разглядеть без оптики оказалось проблематично.

Панорама впечатляла.

На севере до Гарлема блестели пруды Центрального парка. За Гарлемом пестрел Бронкс. На западе Гудзон подмывал берега Нью-Джерси. Стэйтен-Айленд тонул под жёлтой дымкой в заливе. До горизонта на восток уходил вслед за Бруклином нескончаемый Лонг-Айленд. На юге за частоколом даунтауна в туманной пелене вздымала над заливом факел Колючая французка. В центре над всем этим нёс в облачной высоте свой шпиль величественный Эмпайр-стейт-билдинг. После трагедии «близнецов» сто два этажа этого здания вновь на долгое время стали самым высоким небоскрёбом Нью-Йорка.

Впрочем, он всегда и оставался его корневым символом. За элегантный его вид он оказался под номером один в официальном списке лучших американских архитектурных решений. Строился этот исполин на деньги Джона Рокфеллера-младшего. Рядышком стоит Крайслер-билдинг – его легко можно узнать по круто сужающейся верхней части, выполненной на манер дисков автомобиля. Задача стояла – перехватить первенство у семидесятиэтажного Крайслера, и это с лихвой удалось. Ленточку перерезали первого мая тридцать первого года, и Гувер лично нажал кнопку, включив освещение здания. Подвела депрессия. На момент открытия далеко не все помещения были сданы, и здание получило прозвище: «Пустой-стейт-билдинг» («Empty State Building»).

Высокий шпиль было решено использовать, как причальную мачту для дирижаблей. Тем более что красавец «Гинденбург» уже начал совершать трансатлантические полёты с пассажи-

рами на борту из Германии в Америку. Граф Циппелин не жалел средств на развитие нового вида транспорта.

Как и «Титаник», на момент постройки «Гинденбург» стал самым большим и самым комфортабельным дирижаблем в мире. У истории нездоровое чувство юмора. «Гинденбург» стал воздушным «Титаником» на том же самом пути – из Европы в Америку.

Поначалу высший свет по обе стороны океана с восторгом встретил появление «летающих кораблей». И инвесторы, и любители комфортных путешествий связывали с развитием дирижаблесторения весьма далеко идущие планы.

«Гинденбург» сразу же установил рекорд, пройдя над Атлантикой за двое суток. На борту располагался роскошный ресторан с изысканной кухней. Салон с роялем. Смотровая платформа. Из-за ограничений по весу не было только ванн. Вместо ванн предлагался душ. Был также и запрет на открытый огонь. Пассажиры перед посадкой обязаны были сдать спички и зажигалки – всё, что могло дать искру. И не смотря на это, всё же, под присмотром команды можно было курить в специально отведённой комнате. А над головами в потоках ветра болталось двести тысяч кубометров водорода.

Желая пофорсить перед ньюйоркцами, капитан подвел дирижабль к смотровой площадке Эмпайр-стейт-билдинга, где цеппелин уже поджидали репортеры и публика. Но, поскольку шпиль ещё не был готов к приёму дирижаблей, «Гинденбург» увели швартоваться на соседнюю базу в Нью-Джерси.

Когда техники на земле уже держали верёвки в руках, раздался страшный взрыв, и огромный пузырь с водородом вспыхнул, словно солома. От едкого чёрного дыма стало темно, как ночью. Огонь быстро охватил корму и стал распространяться к носовой части, уничтожая воздушное судно. Пассажиры стали прыгать на землю. Многим удалось спастись. Капитан выжил, но сильно обгорел.

Полёты на водороде моментально запретили. Эмпайр-стейт-билдинг не стал воздушным портом города. А в сорок пятом году он стал первым небоскрёбом, подвергшимся самолётному тарану. Бомбардировщик В-25 «Митчелл» заблудился в густом тумане и врезался в здание в районе восьмидесятого этажа. Один из двигателей пробил башню насквозь и упал на соседнее здание. Другой двигатель свалился в шахту лифта. Пожар потушили за сорок минут. Лифтёр Бетти Оливер упала в шахту лифта и выжила после падения с высоты в семьдесят два этажа!

На этом удивительные истории не закончились. Здание стало Меккой самоубийц, и вокруг обзорной площадки на крыше вскоре была возведена высокая решётка. В семьдесят девятом году находчивая мисс Элвита Адамс решила схитрить и прыгнула из окна восьмидесят шестого этажа. Некоторым не везёт вечно. Порыв сильного ветра подхватил и забросил мисс Адамс на восьмидесят пятый этаж! Такое бывает? Она выжила, отделавшись лишь переломом бедра. Чудны дела твои, Господи!

В холле здания на стене висит панно. На нём изображены семь чудес света. И к ним добавлено восьмое – сам Эмпайр-стейт-билдинг.

В здании семьдесят три лифта, но пятого февраля каждого года лестницы заполняют люди, которым на лифты наплевать. В этот день проходят соревнования по скоростному подъёму. Подняться с первого на последний этаж некоторым удаётся за десять минут. Пожарные и полицейские устраивают междусобойчики и бегут наверх в полной выкладке.

Ночная подсветка верхушки зачастую кодирует какое-нибудь событие.

По цветовой гамме, например, можно узнать какая из спортивных команд Нью-Йорка сегодня играет – гамма повторяет цвета эмблемы команды.

Когда умер Фрэнк Синатра, подсветка была выполнена в синих тонах в память о прозвище певца: «Мистер Голубые глаза». А когда умерла актриса Фэй Рэй, освещение вообще выключили на пятнадцать минут.

В каждом уважающем себя фильме-катастрофе несчастный Эмпайр плавают инопланетными лучами, раскурочивают метеоритами, сносят огромной волной или замораживают льдами. Но в умах жителей планеты Эмпайр прежде всего связан с большой уродливой и по-своему несчастной гориллой, которую всегда в конце фильма детям до рыданий жаль. Фэй Рэй, как раз, и была той красавицей, к которой Кинг-Конг так нежно прикипел. Именно с ней он взобрался в тридцать третьем году на шпиль башни и потерпел за любовь.

Пожалуй, самый удивительный фильм о башне довелось снять известному фрику Энди Уорхолу. В июле шестьдесят четвёртого, набив ноздри кокаином, он с друзьями заперся на сорок четвёртом этаже небоскрёба Таймс-билдинг. Они установили камеру и одним дублем без единой монтажной склейки в течение восьми часов снимали находящийся напротив Эмпайр.

Позже поклонники пытались делать короткие версии фильма, но автор категорически отказывался признавать такое надругательство над искусством. В полной версии все восемь часов камера неподвижна. В кадре не происходит практически ничего. Опускается ночь. Город зажигает огни. Время от времени в оконном стекле мелькает отражение Уорхола. Разок пролетает самолёт. Сорок лет спустя фильм был признан значимым культурным наследием и был помещён в каталог Библиотеки Конгресса.

Сам Уорхолл считал, что он снял: «Восьмичасовую эрекцию. Самый длинный порнофильм в истории человечества». Поклонники определяли смысл в усмешке автора над монотонной тягучестью современного города, над его обезличенностью.

Спустившись с обзорной площадки вниз и добравшись до Сорок второй улицы, я остановился у массивных дверей Публичной библиотеки.

Сорок вторая улица – главная магистраль Мидтауна. На востоке она начинается у Ист-Ривер и от здания ООН бежит мимо Фонда Форда к зданию Крайслера. Она тянется на запад мимо Центрального вокзала. Минует Публичную библиотеку на углу Пятой авеню. Пересекает Бродвей. Проходит мимо Музея Мадам Тюссо. Оставляет позади многочисленные отели, театры, козырьки мюзик-холлов, стрип-клубы, секс-шопы, порно-кинотеатры и упирается в Гудзон в районе 83-го пирса. Манхэттен – остров. Куда ни пойдёшь, придёшь к воде. В центре этого шёлкового пути сияет Таймс-сквер.

Раньше здесь находился главный офис газеты «Нью-Йорк Таймс». Офис перенесли в специально выстроенный небоскрёб – Таймс-билдинг, а название за местом так и прижилось. Теперь, это самая посещаемая площадь Нью-Йорка, символ города и туристический ориентир.

Стремясь поскорей здесь оказаться, потрясённые гости из Старого Света вместо обещанного сквера и старинной брусчатой пьяцца, каковой полагается быть на центральной площади любого уважающего себя города – обнаруживают лишь небольшой пешеходный участок, затёртый между высотками Бродвея и Седьмой авеню. Клочки неба днём, свет реклам ночью.

«Владелец синего велосипеда в зелёной куртке, который выронил сложенную пополам бумажку под ноги брюнетки в чёрном свитере и скрылся – может забрать её в зале номер пять на втором этаже». Объявление на дубовой двери Публичной библиотеки держалось на честном слове и готово было вот-вот сорваться от ветра.

Мне удалось удержать его и внимательно перечитать.

Цвет велосипеда совпадал. Куртка тоже. Бумажек у меня по карманам вечно целый ворох, может что-то и выпало. Определённо, на втором этаже меня ждала встреча с брюнеткой в чёрном свитере! Прищёлкнув байк к столбу, я отправился на поиски таинственной незнакомки.

На втором этаже в зале номер пять под сводами гигантского помещения среди стеллажей и ламп за тяжёлыми столами с витиеватыми ножками на старинных стульях восседало человек двести.

Из них, возможно, треть была брюнетками.

И какая-то часть была в чёрных свитерах.

Я решил занять выжидательную позицию и, устроившись в одном из глубоких кресел, раскрыл ноутбук. Под сводами старинной библиотеки витал информационно-насыщенный вай-фай.

Доставая из рюкзака адаптер, я выронил на пол переходник, который увлёк за собой провода, мышку, зарядное устройство и мелочь из кармашка. Серия гулких звуков заставила некоторых вздрогнуть. Мелочь звонко закатилась за кресло. Я, задержав дыхание, замер. Несколько брюнеток подняли очки и, смерив меня строгим взглядом, качнув головами, вернулись к своим ноутбукам.

Что ж, начало положено неплохое – мне уже удалось привлечь внимание! Обратить на себя взоры. Возможно, автор объявления была среди них. Впрочем, пока никаких доказательств на то не имелось. Книг, как я обратил внимание, ни у кого в библиотеке не было. Все просто пользовали бесплатный вай-фай в академической тишине, украдкой лопаая пончики.

– Мертвецкая тишина! – раздалось вдруг негромко справа.

Я повернулся.

– Что может быть приятнее – нарушить благоговейную тишину. Заставить вздрогнуть фарисеев! – обратился ко мне из соседнего кресла мужчина с белым околешем на закрытом чёрной тканью горле.

– Не беспокойтесь за это, – пастор поднял переходник и, собрав мелочь, пересыпал её мне в ладонь, прижимая локтём к коленке свой ноутбук. – Так и Спаситель когда-то устроил сильный шум своим появлением.

Он откинулся на спинку и поводил пальцем по тачпэду.

– Мы не должны прозябать в тишине, – сообщил он, переходя на шёпот, потому что две блондинки и два русых шатена за соседним столом оторвали головы от экранов и посмотрели на нас ещё строже.

Брюнеток среди них не было.

– Тишина губительна, – сдавленно зашептал он снова.

Я успел заметить – одна из брюнеток вроде была ничего.

– Нация, состоящая из овец, незамедлительно получает правителей, состоящих из волков. Знаете, кто сказал? – приглушённо спросил он.

Я неопределённо помотал головой, рассеянно распахивая по рюкзаку провода и девайсы. Всё-таки та брюнетка в очках в чёрной роговой оправе слева, мне показалось, смотрела на меня дольше, чем остальные.

– Неважно! – поспешил он продолжить. – Знайте, даже если сюда заявятся пришельцы... И будь они хоть посланцами дьявола. Мы должны уметь сказать! – он горячо сжал кулак. – Подать голос. Услышать друг друга! – он обратил взор к люстрам, вскинув руку. – И да благословит нас Господь!

Вернув взгляд в нормальную плоскость, он уставился на блондинок рядом с шатенами. Спустя секунду, спохватившись, он захлопнул крышку ноутбука и поднялся. Вслед за ним весь зал вдруг зашумел. Захлопывая лэптопы, все потянулись к выходу. Ровно в пять в абонементных залах отрубается вай-фай, и всё закрывается до следующего утра. Распрощавшись со святым отцом, я принялся просачиваться сквозь толпу, пытаясь взглядом отыскать ту брюнетку в очках в чёрной роговой оправе.

Глава 5. Нью-Йорк. Чайна-таун

Утренняя прохладца щеконала тело.

В майке и шортах я выполз с рюкзачком из отеля, чтобы отстегнуть велик и продолжить исследования.

Байк провёл одинокую ночь на пустом тротуаре, прикованный к проржавленному фонарному столбу. Я присел у колеса, взяв в руки замок. Невдалеке в куче мусора что-то зашевелилось и показалась голова.

Со стороны Маленькой Италии на пригорок на перекрёстке въехал поблёскивающий хромом огромный мусоровоз. Солнце прошло по металлическим поручням. Сдвиг пронзительным сигналом с пешеходного перехода мальчишку на скейте, исполнил совершил манёвр, повернув в нашу сторону. Двое в перчатках и спецовках, ухватившись за поручни, повисли с двух сторон на закорках. Блестящие яркие нити затанцевали на лобовом стекле.

Голова в куче тряпья беспокойно зашевелилась. Меж коробок показалась пара ног.

Большой палец, торчащий из дыры красного вязаного носка, почесал свод голой стопы. На край контейнера, источавшего смрад, села ворона.

Миновав фонарный столб, мусоровоз, ухнув гидравликой, с шумом сел на амортизаторы рядом с переполненным контейнером.

Из коробок высунулась рука и поскребла худую лодыжку под джинсовой рваниной. Затем стала суетливо искать замызганный драный кроссовок.

Мусорщик спрыгнул с подножки возле плесневелых коробок и грязного спальника, в дыре которого уже обе ноги спешно пытались попасть в обувь.

– Сколько же раз говорить...

Над кучей мусора показалось мятое лицо афро-азиата с жидкой бородёнкой. Красно-жёлто-зелёная шапка размером с дикий улей примялась на голове.

Ворона с интересом подвинулась ближе, прихватив клювом пакет с чипсами из дыры в большом чёрном пластиковом мешке.

Из-за мусоровоза показался второй уборщик.

– Сколько же тебе говорить... – первый стащил перчатки. – Дрыхни, где хочешь, только чтобы к утру я тебя тут не видел!

Светофорная шапка качнулась. Оборванец достал из нагрудного кармана мятую сигарету и воткнул в рот.

– Ты посмотри на него! – присвистнул второй мусорщик. – За кофе не сбегать? – он сложил руки на распирающем спецовку животе и склонил голову.

Ворона, бросив чипсы, принялась добывать из мятого картонного пакета попкорн. Я отстегнул велосипед.

Жуя поломанную сигарету и качаясь в попытках разлепить окончательно хотя бы один глаз, Шапка, источая перегар, перевернулся на четвереньки... приподнялся, мотнуло – устоял.

– Ставки делать будем? – первый переложил голову на другой бок и шумно втянул нозд-рями воздух, пытаясь сохранять спокойствие.

Ворона, раскидав попкорн, принялась исследовать размер линялого пеньюара в блёклых розочках.

Второй уборщик тронул башмаком мятый газетный ком. Расправил подошвой заголовок:

– За тобой вон уже летят гости, – он пнул ссохшуюся газету в сторону Шапки. Тот уже почти встал.

Мятый заголовок осветило солнце: «Они придут из созвездия Тельца!».

Шапка, сграбастав широким хватом спальник, приподнял его двумя руками и размашисто сунул в корзину из супермаркета, набитую хламьём.

– Я надеюсь, чёртовы инопланетяне не будут так мусорить! – первый натянул перчатку и оглядел переполненные контейнеры.

Второй удурчённо кивнул, соглашаясь.

Постоялец мусорного отеля, бормоча, тронул свой нехитрый транспорт и заковылял вниз по улице, сплюнув поломанную сигарету под ноги.

Ворона, распираемая гордостью за находку, элегантно красовалась, намотав на голову стильное неглиже.

Я вывел велосипед на проезжую часть и, оттолкнувшись от бордюра, покатил вниз по улице.

Утро воскресного дня сладко потягивалось в окнах, пробуждаясь. Чайна-таун просыпался.

Пожилая китайка в расшитом золотой нитью красном халате, подняв со скрипом жалюзи, открывала продуктовый магазинчик, зажатый меж архаичных трёхэтажных построек из тёмно-красного кирпича. Ржавые зигзаги пожарных пролётов нависали над тротуарами. Парень на углу возле лавки с бросовой электроникой принялся выгружать из минивэна коробки. Сухой старик в дырявой соломенной панаме орошал водой листья спаржи на лотках у метро. Из окрестных подворотен стекались к станции жители квартала и пропадали в утробе подземки.

Над всем этим витали немыслимые запахи уличных жаровен. На ходу всегда можно перехватить сочных потрошков на тонкой шпажке.

Моё внимание привлекло кафе, над входом которого иероглифы складывались из зелёных стручков фасоли. Неплохо бы и позавтракать наконец.

Внутри на плите вдоль стены в котелках торчали половники. Чаны с едой и закусками на раздаче. Дурманивший пряный аромат. Отвар из акульих плавников. Молочное желе из абрикосов. Лепешки с черемшой и ананасами. Перец, фаршированный мандаринами. Осьминог с ростками бамбука. Разварные трепанги и мидии с сыром. Тефтели из креветок. Тофу и грибы в кунжуте. Всё благоприятствовало лёгкому перекусу! Фруктовый шербет на десерт. Печёные яблоки в карамели. Жаренные бананы в сахарной пудре. Пироги с ежевикой и кукурузные печенья. Пирожные. Пышки. Пончики. Мучные рогалики и рисовые бизе. Хрустящие булочки. Диковинные ягоды в сливках. Сладкие соусы и тарталетки с розовым кремом. Умопомрачительные взвары и напитки, названия которых не в состоянии перевести даже хозяин заведения. Всё это возлежало на лотках, дразнило аппетит и за восемь долларов гуртом призывало с лихвой утолить голод. Шведский стол в китайском буфете. Эклектика глобализации.

На подоконнике у широкого окна среди цветов и карликовых сосен молодая китайка развешивала вдоль карниза красные бумажные фонарики. Я присел неподалёку и оглядел содержимое подноса, не зная с чего начать.

Под потолком в плоском телевизоре мускулистый атлет с квадратной челюстью рекламировал курсы похудения.

Реклама сменилась кулинарной передачей.

Пышный мужчина в поворском фартуке и белом колпаке с эмблемой канала мешал в большой миске листья салата.

– Вы, наверное, уже слышали новости, Пьер? – обратилась к нему ведущая утреннего выпуска. – Что вы обо всём этом думаете?

– Что я действительно думаю, Нэнси? – певуче грассируя французским прононсом, отозвался розовощёкий повар в студии, и энергично перемешал пластиковой ложкой содержимое большой прозрачной тарелки.

– Я думаю: а что, чёрт возьми, мы знаем о кухне этих пришельцев, кто бы они ни были! – он добавил майонез, блеснув логотипом.

– Может быть, не так уж и сильно она отличается от нашей. Плоды! Я с удовольствием угостил бы их вот этим лёгким «Сен-жан фин де Клер» с обязательными артишоками! Мы берём немного кунжута и протёртые орехи. Добавляем яичный соус...

За соседним столом китаец в тёмно-синей униформе автобусной компании отхлебнул чай и откинулся на стул, вальяжно свесив руку:

– Что, если они предпочитают мозги жирных французов? – прокомментировал он и, прихватив из тарелки лепёшку, принялся разглядывать заголившиеся икры официантки на подоконнике.

К ней на помощь полезла вторая официантка. Мест за соседними столиками быстро не осталось. Я уничтожил содержимое подноса и, вернувшись на улицу, отправился в сторону Манхэттенского моста.

Солнце окончательно утвердилось над пригородами за рекой. Понизив скорость на передаче, я стал медленно взбираться на двухкилометровый горбыль. Под ногами на нижнем ярусе прогрохотала электричка. Свежий бриз с залива тонизировал и давал сил. День только начался.

Глава 6. Нью-Йорк. Бруклин

– Бам! Бам! – раздалось два выстрела, и Доменика подкосило на мостовую.

Лапша в отчаянии выскочил из-за ящиков прямо на Багси и воткнул ему нож в селезёнку!

Да. Так вроде всё и было...

Я мысленно перемотал ещё раз назад и поставил на паузу. Картинка совпадала! Здесь Серджио Леоне и снимал свой шедевр. Арка Манхэттенского моста на западе Бруклина. Пилоны стометровой опоры на просвет.

Леон Моисеефф: уроженец Риги, слушатель Рижского политеха – автор этого проекта. Старый мост весь вибрирует, глотая нижним ярусом четыре ветки метро. Ист-Ривер богата мостами. Фантастический блокбастер не хиляет, если их не разрушить в первую очередь.

А на открытии соседнего Бруклинского моста вдруг паника – слух: мост ненадёжен! Двенадцать человек погибло в давке. Власти, спасая репутацию моста, провели по нему двадцать слонов из местного цирка «Барнум энд Бэйли». Хиляет!

«Я горд вот этой

Стальнойю

Милей».

Бедняга Щен был столь погружён в свои губительные чувства, что спутал Гудзон и Ист-Ривер. Не столь важно. Главный герой в итоге бросается с моста.

Говорят, в одной из опор нашёл покой рабочий, свалившийся по пьяни в жидкий бетон.

Острова в бухте: Свобода. Эллис. Говернорс. Торчит одинокий маяк на проходе.

Эйфель был, возможно, эротоманом. Чулок – Парижу. Даму с факелом – в подарок за океан. Американцы в ответ подарили французам точную копию.

Свобода! В детстве в библиотеке – подшивка «Крокодила» за десять лет. Ни одного номера без американской статуи Свободы. В подписях к картинкам она неизменно берётся в кавычки. Тысячи фантазмагорических исполненных ужасом образов «Свободы» сопровождают все выпуски.

Вот зловещая колючка на голове этой отталкивающей истеричной женщины угрожающе нависла над негритянским бедняком, пытающим спрятать от неё свою перепуганную семью. Кулаки ярости сжимаются от желания защитить их от беспощадной ведьмы. Листаем дальше. Вот своим факелом она поджигает очаг мировой войны и дома простых тружеников села в Камбодже. Вместо Декларации независимости она нежно прижимает к груди ядерную бомбу, другой рукой безжалостно швыряя в Африку или Вьетнам смертоносные «Томагавки» и «Першинги». Мир горит в пожаре империалистической войны. Вот каменной ступнёю она разбивает в прах на мелкие кусочки: «Права человека»! На её плечах, словно на лошади, восседает пузатый монополист с сигарой. Закусив удила, она издевательски гогочет над непосильно страдающим рабочим классом всего мира!

Издательство «Правда», которое выпускало журнал, старалось в полную силу апеллировать к психике потребителя, таков закон жанра. И теперь довольно сложно избавиться от иррационального лёгкого холодка при виде этой фигуры – советская пропаганда была крайне убедительна в своих образах.

Остров Эллис в дымке. Первой под звуки фанфар пересекла границу нового иммиграционного центра пятнадцатилетняя ирландка Анни Мур. Официальные поздравления и десять тысяч долларов от властей в подарок. Всем остальным круги ада. Потоки иммигрантов. Депортации. Самоубийства после оглашения решений. Процедура проверки для каждого – до пяти часов. Сначала на второй этаж по длинной лестнице. Запыхавшихся и хромых – домой. А вдруг туберкулёз!

Вша, парша, глаукома? Забракованных метили мелом прямо на одежде. Дальше тест на определение элементарных умственных способностей – сложить из деревянных кусочков кораблик. Некоторым не под силу – ещё тошнит от недельной болтанки. Кишки наружу. Одежда ещё пахнет блевотой. Одиноких женщин – домой! Проститутток и так в Бруклине, как грязи.

Далёкий мост Джованни да Верразано на границе с океаном в дымке.

Паром на Стэйтен-Айленд повесил глубокий низкий сигнал над бухтой.

Это город однажды не дождался «Титаника».

Вместо него печальная «Карпатия» привезла уцелевших постояльцев фешенебельного плавучего отеля. А поначалу поле потери связи успокоительные обещания: «Да вы что?! Корабль непотопляем! Просто повреждена рация. Сохраняйте спокойствие. Шлюпок достаточно! “Паризьэн” и “Вирджиниэн” навесят их на всякий случай через сутки хода. Готовьте барбекью и танцы на балконе. Не о чём беспокоиться!». Только вот перестраховочная ставка на грузы «Титаника» вдруг лезет вверх до шестидесяти процентов. Радио. Телеграф. Ленты агентств: «Беда! “Олимпик” подтверждает полное затопление! “Медведи” успевают на понижение перед тем, как Франклин скажет речь. Финансовой паники не ожидается!».

Говорят, у впередсмотрящего матроса Флита просто не было бинокля – второй помощник забыл ключи от сейфа. А навстречу не просто айсберг – «черныш». Перевертыш! Верхняя часть, покрытая мутью, не отражает свет. Безлунная ночь. Марка стали корпуса слишком хрупка для такой холодной воды. Чайки над тёмными водами. Венки цветов. Слезы близких. Чья-то невеста... «Она утонула!».

Из Бруклина вид на Манхэттен. Чайки на набережной крикливо восседают на уходящих под воду, изъеденных солью деревянных тумбах. Шелест тихих всплесков. Бакланы горланят на парапетах. Соль даже в воздухе. Из кафе рядом донеслась музыка. Я двинулся к дверям.

У лотка с хот-догами напротив кафе припарковался полицейский кэб с сине-красной люстрой мигалки.

– Охренеть! – раздалось вдруг со второго этажа над кафе, и мужик в заляпанной майке-алкоголичке высунулся из окна, уперевшись ладонями в подоконник.

Жидкие патлы слипшимися стеблями свесились с полупустого черепа.

– Наконец-то, блять! Сколько вас можно ждать! – заорал он копам. – У меня вода уже в гостинной!

Из кафе на улицу выскочил чёрный непомерно долговязый бармен и тревожно посмотрел вверх:

– Тони, какого хрена! Он что, опять уснул в ванной?

Тони набрал в грудь воздуха:

– Вы там сосиски жрать будете или спасать чёртов дом?

Он задрал голову на третий этаж облезлого строения и снова истошно завопил:

– Ксавьеро, твою мать! Выключи сейчас же воду в ванной, или я поднимусь и прожарю твои яйца на гриле! Санта-Мария, пропал дом! Где вы, суки, бродите, пока я тут погибаю?! – он простёр руки в сторону легавых.

– Заткнись, Тони! – закончил расплачиваться за сосиски первый коп.

Второй коп не спеша выдавил на колбаску горчицу из тюбика:

– Сейчас всё проверим, не дрейфь!

Он откусил смачный кусок и принялся жевать.

– Главное, чтобы это не оказалось твоим очередным «страшным видением», – добавил первый коп. – Ты хорошо спал сегодня? Сколько вчера вылакал, Тони?

– Идите все в жопу! – тряхнув головой, Тони убрался, хлопнув сверху вниз со всей дури облезлый подоконник рамой окна.

Я прислонил велик к размалёванной витрине и зашёл в заведение.

Сквозь мутные окна на широкую деревянную стойку падал, расщепляясь, препарированный свет. Пять пустых столов вдоль стен с пёстрыми картинками. Старый музыкальный автомат в углу. Кубинская кухня.

Пожилой бородатый кубинец за стойкой обернулся в мою сторону и поприветствовал, подняв вверх маленькую бутылку:

– Пивка, приятель? Я угощаю! Тут и потрепаться-то не с кем.

Я отказался:

– Сок есть?

Бармен за стойкой кивнул и налил стакан. Я присел за столик у окна.

– Хорош бухать, Рауль. Ещё и двенадцати нет.

– Иди к чёрту, Рэй. С тобой тут загнёшься от скуки! – кубинец хлебнул и уставился в телевизор. – Оставь этот канал, милая, – попросил он официантку. – Это же Куба, детка. Что там про карнавал? Или хочешь, посмотрим новости про пришельцев?

На экране сексапильные брюнетки торчали попами под сальсу с широкоплечими небритыми мачо в остроносых туфлях. Пальмы трясли ветвями. Маракасы трещали лихо.

Раздался скрип лестницы, и вниз в зал скатился юноша с горячим взглядом и мокрой головой. Придерживая штаны, он навалился на стойку:

– Что за шум, Рэй? Откуда копы? – отдышавшись, выпалил он, бешено вращая глазами.

Бармен протёр стойку полотенцем и посмотрел на него:

– Послушай, Ксавьеро... Ты просто задолбал! Тони там уже пошёл ко дну, наверное. Всю округу переполошил. Если ещё раз забудешь выключить воду...

Ксавьеро опередил:

– Слушай, этот пердила постоянно долбит меня своей ебанутой музыкой. Тра-ла-ла! Я скоро совсем свихнусь здесь. Моя жизнь нелегка, грёбанный насос! Конечно, тут устанешь. Даже если и заснул на пару секунд. Хули – сразу звонить копам?

Бармен пожал плечами:

– В следующий раз сам позвоню, – он кинул в рот маслину и вытер руки. – Тебе надо бросить курить эту дрянь, сынок. Найди, наконец, нормальную работу! У тебя долгов уже...

– Какого чёрта, Рэй! – Ксавьеро тут же примирительно достал из кармана купюру. – У меня есть проклятая работа! Сделаешь омлетик?

Рэй вынул мятую купюру из протянутой руки и резюмировал:

– Чёртов доллар? Значит так, приятель. Ты должен уже пять двадцаток, – он записал на стене карандашом и бросил его болтаться на верёвке.

Я пригубил сок и открыл карту района.

– Я знаю... Знаю, Рэй! – Ксавьеро натянул блестящую улыбку. – Жизнь – не пикник, гондоны-помидоры, верно? Выжди пару дней, бога ради. Скоро всё будет! – он зацепил упаковку салфеток со стойки и бухнулся за соседний столик.

Я продолжал изучать карту, бросив на него взгляд. Глаза пересеклись. Контакта было не избежать.

– Жалкие паяцы, – пояснил он вполголоса. – Вечно сосут из меня двадцатки. А их, сука, не напасёшься, – погоревал он.

Он взял солонку, салфетки и пересел ко мне:

– Не возражаешь? Знаешь, у меня ведь скоро будут деньги! Мы тогда всем им покажем. Вот увидишь!

Он помолчал, поглядев в телевизор. Брюнетки, качая бёдрами, зажигали на карнавале так, что захотелось туда к ним.

– Деньги? – переспросил я, хлебнув сока.

– Много денег, старичок! – он понизил голос, нагнувшись слегка над столом. – Комитет по Правам Спасения Мира даёт мне субсидию! Всё уже на мази, все договорённости! Мы скоро наделаем немного шума. Куба либре!

Он оглянулся снова на телек. Официантка переключила на новости. На экране появился слайд с изображением созвездия Тельца. Бегущей строкой замелькали котировки на биржах.

– В прошлом месяце они уже присылали немного, было дело, – поделился он интимно. – Я передал эти деньги сразу боевым боливийцам... Боливийцы перевезли их лесом на границу одним серьёзным колумбийцам, – продолжал он заговорчески. – Но колумбийцы, суки, почти всё потеряли или спиздили... Остальное забрали долбаные сандинисты. Ну, у этих вообще с головой не всё в порядке. Лучше не знать... Я вижу, ты парень хороший. Знаешь, мой тебе совет: главное – избегать пуштунов! Это уж ты мне поверь, – он оглянулся с опаской. – Те, что в Дальних горах живут, слыхал? Безумные напрочь... Дикие козы у них там по склонам кругом скачут... – он сделал пальцами козу и увлечённо показал на столе, как скачут козы. – Увидишь пуштуну, беги! Вот тебе мой совет, старик. Точно говорю, уж поверь!

– Да, кстати! – подал голос бармен за стойкой. – А ведь тут вчера к тебе заходили двое. Спрашивали: в каком номере ты живёшь.

Ксавьеро замер, сжав крепко вилку.

– Как они выглядели? – упавшим голосом спросил он, перепугано бледнея.

– Выглядели... Да чёрт его знает. Так на вид – прям, как пуштуны, вроде.

Ксавьеро оцепенел. Раздался звук упавшей на пол вилки.

Бармен, залившись высоким смехом, протянул кулак кубинцу у стойки. Тот стукнул кулаком в ответ, сгибаясь от волн сипящего хохота.

Ксавьеро очнулся и махнул рукой:

– Мудачьё! – выдохнул он, придя в себя. – У тебя, кстати, двадцатки не найдётся? – обратился он ко мне.

Я поискал в кармане купюру и положил на стол.

– Мистер Джексон! Звучит куда уже лучше! – ожил он, сунув бумажку в карман. – Заходи через недельку, отдам и с меня пиво. Ты сам-то откуда?

Я мотнул неопределённо большим пальцем за спину:

– Из даунтауна еду, – пояснил я.

И в этот момент я увидел, как с той стороны витрины на улице какой-то оборванец, заматанный в драный плед, нежно оторвал мой непристёгнутый байк от стекла и, аккуратно ступая, повёл его под уздцы, куда-то под венец вдаль.

Я выскочил на улицу. Догнав фигуру в цветных тряпках, я поравнялся. Фигура вдруг застенчиво изумилась, оглядев велик:

– Святые угодники, да это же не мой велосипед! А где же мой байк? – вибрирующим слегка голоском спросил он осторожно.

Я показ ему возможное направление. Мы расстались друзьями.

Вскочив на велик, я продолжил крутить педали вдоль реки. Бруклин, чёрт возьми, огромен. Промзоны. Продуваемые бризом с океана станции сабвея на столбах. Сады и одноэтажный мир на много миль на восток.

Когда-то здесь в небе над Бруклином случилась крупнейшая авиационная катастрофа. Столкнулись пассажирские «Дуглас» и «Локхид». Обломки сыпались прямо на жилые кварталы. В пожаре сгорела церковь «Огненного Столпа». Название оказалось пророческим! И только Бог знает, какие молитвы посылал небу сэр Эдмунд Хиллари – новозеландский исследователь и альпинист, первым сумевший покорить Эверест. Он умудрился опоздать на рейс и прожил до восьмидесяти восьми лет.

Вскоре за высоким сетчатым забором показалась территория порта – бывшая военноморская верфь. У причалов сновали жёлтые погрузчики. Над заброшенным сухим доком

навис неподвижный ржавый кран. Шум корабельных дизелей иногда перекрывали отрывистые крики. Застоялая гниль морской тины смешивалась с запахом мазута. В двух шагах от забора на небольшом пустыре средь вросшей в траву брошенной техники в маслянистой луже барахтался чумазый селезень. Тоскливый индустриальный пейзаж простирался на несколько квадратных миль.

Обнаружив кем-то заботливо проделанную дыру в заборе, я приковал к сетке велосипед и решил пробраться внутрь, чтобы сфотографировать порт поближе. Протиснувшись в дыру, я стал подниматься на поросший кустами невысокий холм. Миновав кучи мусора у подножья, пробрался через кусты на вершину, прикрытую, словно панамой, широкими хвойными лапами. Надёжное укрытие, можно сделать пару снимков.

Прислонившись спиной к дырявому раскорёженному баку, я отдышался и достал фотоаппарат. Зрелище завораживало. Огромные старые доки. Здесь собирали линкоры: Айова. Миссури. Северная Каролина. На обслуживание заходили авианосцы. Держать секретную базу в центре мегаполиса? Да ведь тут отличный обзор с мостов, по которым всё время снуют толпы туристов. А вдруг кто-нибудь нашпионит, как последний сукин сын – телеоптикой или биноклем! Во время второй мировой пешеходные дорожки на мостах задрапировали на всякий случай. В шестидесятых в разгар «холодной войны» военные решили убрать отсюда секретные объекты и продали земли городу.

Прицелившись, я навёл объектив на ближний док. Сделать пару снимков. Как бы меня тут не приняли за шпиона.

– Шпионишь? – прошипел вдруг кто-то сбоку.

Вздрагнув, я обернулся. В порту раздался резкий протяжный гудок.

Тревожно вглядываясь, я обнаружил в высокой траве чей-то покачивающийся тёмный силуэт.

Вперёд проступила голова в камуфляжной широкой панаме. Кожаная тесёмка под подбородком туго сдавила кожу. Владелец головы приложил к губам палец:

– Тсс! – прошипел он и поманил меня к себе ближе.

Я пододвинулся, стараясь не делать резких движений.

– Видал? – шепло прошептал он, кивнув в сторону доков.

– Что? – шёпотом не расслышал я, бросив взгляд на огромный чехол с ножом на его поясе.

Армейский камуфляж был заправлен в перепачканные глиной высокие шнурованные ботинки. Воротник пятнистой куртки поднят. Рядом на траве валялся бинокль и полевой планшет.

– Вон там, видишь? – тихо сказал он, показав в сторону порта.

– Где? – ещё тише спросил я.

– Да вон же... Вон! – он стал слегка раздражаться моей тупостью, ткнув пальцем в сторону портового административного здания.

Из здания вышло несколько человек в униформе.

Пройдя десяток метров, они по одному вошли в дверь соседнего строения, над которым скособочилась табличка: «Столовая».

– Видал? – сдавленно зашипел он мне в ухо и, с силой схватив за плечо, притянул к себе. – Видал, а?

– Видал, видел! – испуганно закричал я, опасаясь, что он сломает мне ключицу.

Он убрал руку и, сжав челюсти, посмотрел на здание.

– А это видел? – кивнул он на спутниковые тарелки на крыше. – Я давно за ними наблюдаю... Суки! – продолжил он, обессилено сев в мокрую траву. – Каждый божий день ровно в два часа они выходят из этого здания и заходят туда. Сечёшь? – он посмотрел на меня. – А через час возвращаются обратно. Каждый божий день! – он рубанул рукой. – Ровно в два. Как роботы!

Он достал сигарету и помолчал.

– Ты форму видел? Военная! Только погоны сняли. Маскируются! – он достал зажигалку и помял сигарету. – Затевают что-то уже давно... – он пощёлкал зажигалкой, попытавшись прикурить. – Тарелки эти блядские понаставили.

Так и не прикурив, он перевёл взгляд на доки:

– Космос слушают, – он снова перешёл на сдвленный шёпот. – Дружков своих ждут. По телеку вчера сказали – летят уже, баста! А я ведь давно уже за ними наблюдаю.

В его глазах блеснули грозные огоньки. Оглядев деревья, он пристально посмотрел на меня:

– А? Что скажешь?

– Охранники, наверно? – неуверенно предположил я, прикидывая, есть ли у него пушка. – Обедать ходят? – проанализировал я. – Тарелки – телевизионные, наверное? – я посмотрел снова на здание.

Он поёжился, словно от холода:

– Охранники? – прошептал он напряжённо. – Да эти суки там точно что-то крутят. Кли-мат меняют! Я всё время мёрзну... Или, думаешь, это русские тут напустили морозу?!

– Это вряд ли, – успокоил я.

– Охранники... – пробормотал он, и вдруг схватил меня за грудки. – Так ты с ними заодно, что ли? – просипел он, выкатывая глаза. – Охранники?

Подбираясь к горлу, он сдвил ворот ветровки вокруг моей шеи, и опустил руку, нащупывая чехол на поясе. Я дёрнулся назад. Мы покатались по траве с пригорка вместе.

Толкнув его, я вскочил на ноги и бросился бежать через кусты к дороге.

«К чёрту, в конце концов, эти снимки», – подумал я. – «В следующий раз как-нибудь!» – решительно бросился я к велосипеду.

Вскочив на педаль и не оглядываясь, я припустил в сторону моста.

Достигнув Бэдфорд-авеню, снова выбрался к реке.

Сквозь нагромождения ажурных трапезиевидных пролётов тянулся в сторону Манхэттена – Вильямсбургский мост.

Свернув в переулок, я зарулил в ближайший «Тако Беллз», и, заказав двойной сэндвич из тортильи, присел у окна, проверяя почту.

В свернутой трубочке оказалось прожаренное мясо и кусочки острых колбасок. Листья кактуса покрывали фасоль и рубленые кислые огурцы. Приправлено всё было сыром и пюре из авокадо с помидорами. Плеснув сверху красноватого жидкого соуса из бутылочки, я всё это надкусил и, сделав пару жевательных движений, задышавшись, разорвал челюстями рот.

Тысячи иголок впились в нёбо! Дыхание перехватило. Проступили слёзы. Отрывисто дыша, я рыдал над столом, оплакивая бедную печень. За стеклом над горбатым Манхэттенон в лучах полуденного солнца безмятежно серебрился Эмпайр-стейт-билдинг.

Глава 7. Нью-Йорк. Бруклин

К полудню погода разгулялась, ветер сдул облака. Небо над пёстрым Бруклином окончательно прояснилось, оставив кудрявые клочки лишь на горизонте. Проехав пару кварталов, я остановился у заправки, совмещённой с магазином, и зашёл внутрь купить воды. Язык и дёсны до сих пор жгло калёным железом. Дверь на входе пикнула, выдав предупреждающий сигнал.

За прилавком скучал индус в потёртой чалме. Пред ним на прилавке среди лотков с пустяковой снедью стояли шахматы. Похоже, он играл сам с собой, готовясь сделать первый ход. Я прошёлся вдоль рядов.

Дверь снова пикнула, в магазин проник взъерошенный чёрный паренёк. Он быстро приблизился к кассе, держа руку в кармане. Пола плаща оттопырилась. Сквозь натянутую ткань проступила кисть, явно что-то сжимающая. Индус поднял на него глаза. Я присел, осторожно выглядывая из-за полок.

Вошедший резко выхватил руку из кармана и направил её прямо в красную точку на лбу индуса:

– Двадцатку, – завопил он, – разменяешь?!

Он призывно ткнул мятой двадцаткой в сторону лба за прилавком. – Позвонить надо! – чуть сбавил он тон. – Понятно? – завершил он уже не так уверенно.

Индус снова опустил глаза на доску и дотронулся до королевской пешки:

– Маркус, дружок. Что-то тебя давно не было видно. Что стряслось?

Он сделал первый ход.

– Позвонить надо срочно, – глухо пробормотал Маркус.

Индус огладил бороду и, перевернув доску, стал готовить себя к размышлениям над ответом чёрных.

– Что, снова секретная информация для правительства? Ты снова видел пришельцев? Они за тобой опять следят, верно?

– Никто не следит, – ответил Маркус, опасливо оглянувшись. – Просто позвонить надо.

Индус ответил дебютно с правого фланга чёрной пешкой и снова развернул доску.

– У меня больше нет телефонного автомата, Маркус. Я его выкинул, чтобы ты перестал сюда ходить. Может одолжить тебе мобильный?

Маркус растерялся.

– Разговор по мобильному могут прослушать.

– Вот именно, Маркус. Подумай об этом. Тебе лучше написать письмо. Могу продать тебе конверт и бумагу.

– Я увижусь с тобой позже, – пробормотал Маркус и, спрятав купюру, быстро вышел.

– Через час вернётся за бумагой, – погладил снова бороду индус, бросив на меня краткий взгляд.

Он двинул белого коня на позицию и перевернул доску.

Я пошёл по рядам, разыскивая воду.

В конце зала у небольшой стойки скучал за экраном монитора кучерявый паренёк в очках на веснушчатом носу. На высоком стуле рядом с ним, сгорбив под тяжестью веса спину, уныло уставился в окно полноватый увалень консультант. На полках стояли диски с фильмами.

– Янкиз снова слили, – прокомментировал веснушчатый новость из ленты и промотал дальше.

– Конечно. Я же поставил на них полтинник! – отозвался увалень.

– Как всё достало, сил нет... – продолжил он вяло. – Сегодня проснулся и не мог вспомнить, где работаю. Мама приготовила суп. Лежал на кровати и вспоминал: мне сегодня на 59-й автобус или на 18-й, как в прошлом году, – бормотал он. – Я работал тогда в салоне связи

в Квинсе. Паршивый райончик. Но, зато ехать было близко, – он сунул руку в карман, достал яблоко и надкусил. – Мама хочет, чтобы я пошёл всё-таки в колледж. Доктор говорит – я не должен всё время ей подчиняться. Я же не какой-нибудь там маменькин сынок, знаешь.

Веснушчатый кивнул с пониманием:

– Я своей тоже самое всегда говорю.

Я нашёл воду и стал выбирать негазированную. В зал вошла весьма миловидная блондинка в обтягивающих округлую попку шортах. Парни у прилавка замерли.

Она прошлась вдоль полок:

– Что у вас тут, мальчики, новенького? – сладким голоском пропела она, проводя пальчиком по корешкам коробок.

Веснушчатый отвесил челюсть, вышел из-за стойки, пытаясь что-то сказать, но не сказал. Увалень, мотнув ногой, попытался встать; оступившись, грохнулся на пол, быстро поднялся.

Блондиночка перебирала фильмы:

– Старьё, старьё, старьё. А это что такое? Мило!

Она взяла с полки коробку, закрытую обёрточной бумагой, и кинула на кассу двадцатку:

– Сдачу оставьте!

И, покачивая бёдрами, удалилась.

– Ты видел, *что* она взяла? Ты видел с какой полки? Это же – порно! – почти одновременно вскрикнули они оба и кинулись, сбивая рекламные картонки, к монитору за стойкой.

– Номер семь... Номер семь... Найдём по базе! Найдём по базе! – они прильнули к экрану.

– Ставлю полтинник, это – «Анал-канал»! – орал увалень.

– Как пить дать! Господи, что за день! – вторил очкарик.

Я взял бутылку воды и отправился к кассе.

Индус атаковал пешку воображаемого противника и развернул доску. К нему из-под книжных полок вынырнул вперёд меня малец с комиксами.

– Привет, Джимми! – сказал парнишка и, кинув комиксы на прилавок, сверху пришпилил ладонью пятёрку, слегка привстав на цыпочки.

Индус взял слона конём и стукнул длинным сучковатым пальцем по кассе. Она звонко выехала.

– Почему ты больше не берёшь тот комикс про Человека-монстра? – спросил он, глянув на обложку.

– Не хочу, – уклончиво открестился парень и стал изучать жвачки. – Я эту, пожалуй, возьму, – он выбрал одну.

– Боишься, верно? – индус стал набирать сдачу.

Парень застыл.

– Не боюсь, – он пожал плечами. – Не твоё дело.

Индус набрал сдачу и позвенел пригоршней.

– А знаешь, что там дальше случится? – понизив вдруг мрачно тон и склонившись над прилавком, уперся он мальчонке прямо в глаза.

Тот их испуганно закрыл, затаив дыхание.

– Человек-монстр там дальше... – индус перешёл на зловещий шёпот.

– Ладно, ладно! – парень вдруг взорвался. – Я возьму чёртов комикс! Я не боюсь, ясно! – прокричал он.

Мальчишка отошёл с пакетом. Я сделал шаг к кассе.

Индус пробил покупку и, положив руку на бороду, приготовился размышлять над тяжёлой позицией на левом фланге. Я тоже пригляделся в поисках выхода для белых. Чёрные явно доминировали на доске.

Глава 8. Нью-Йорк. Квинс

«Хор по воскресеньям. Алкоголики по средам», – гласил рекламный щит у небольшой белой церквушки на углу.

Я притормозил у тротуара и, приковав байк, зашёл внутрь.

Внутри поверх свечного смога повис ровный гул.

– Пусть радость наполнит наши сердца. Ибо Бог есть – радость! Аллилуйя! – раздался высокий возглас со сцены.

– Аллилуйя! – протяжным унисоном отозвался зал.

Над толпой тут и там взметнулись, покачиваясь, руки. Вступила музыка.

Чёрный пастор прочистил связки и продолжил:

– Мы собрали три тысячи на прошлой неделе. И теперь мисс Снайдерс сможет укрыть дом от дождя. Ибо Бог есть – милосердие! Ибо Он есть – щедрость! Аллилуйя!

Качнула бас-гитара. Бухнула бочка. Стрельнул трелью малый барабан. Вступила ритм-секция... И тут пошёл-пошёл качать зажигательный грув! Нога моя непроизвольно притопнула. Подхватили духовые. Вторая нога скакнула, я огляделся вокруг.

– И даже если из глубин вселенной к нам прилетят Чёрные братья – мы окажем им помощь! – вскинул пастор вверх обе руки. – Ибо Он есть – Любовь!

Всё пришло в движение, затанцевало.

– Аллилуйя! – взорвалось всё вокруг.

Весь зал зашёлся в танце. Рядом со мной, загребая локтями и ритмично покачиваясь, двигала бёдрами полноватая чёрная дама. Вокруг скакали её дети. Вздыхали руки в такте и все родственники. Я обратил внимание, что уже давно вместе со всеми пустился в пляс. Все вокруг дружно отбивали ладони и яростно топтали пол. Пастор на сцене задавал фигуры. Под прокопчённым потолком витала душа чёрного человека! Густой спиричуэлс без остатка захватил пространство, не давая устоять на месте. Все вскочили, обнимаясь. Святая дискотека вступила в полную мощь.

Пастор спрыгнул в зал и пошёл по рядам.

– Ты больше не будешь бояться! – закричал он и возложил длань на блестящий лоб худого паренька.

Его успели подхватить сзади, уложив ничком.

– Ты больше не будешь огорчать свою маму! – шлёпнул пастор длинными пальцами здорового детину по курчавым вихрам.

Его уложили на пол рядом. Потрясённая мать вскинула платок к глазам.

– Ты больше не будешь пить! – стукнул пастор меня по лбу, проходя мимо.

Меня подкосило от ужаса. Успели подхватить, уложили рядом.

«Как я теперь буду снимать эту епитимью, если нужно будет выпить!» – встревожено волновался я, испуская блаженный дух на паркет.

– Аллилуйя! – утирала рядом глаза сердобольная старушка.

Руки в зале взметнулись на финальной ноте, всё потонуло в криках радости. Плотность счастья на квадратный метр достигла пика! Вибрирующий саксофон выскочил из шквала звуков и жизнеутверждающе протяжной нотой завершил зажигательную службу.

Все потянулись к выходу, минуя ведёрки для пожертвований, стараясь не наступить на бедняка на парапете.

Ошеломлённый я присел на ступеньки рядом, когда всё вокруг немного рассосалось.

– Господи, благослови Америку! – удовлетворённо пробормотал бродяга, тряхнув мелочью и мятыми купюрами в жестяной миске.

Вытянув из лохмотной запазухи замусоленную распустившуюся розой сигару, он не спеша раскурил её и, откинувшись на ступенях, выпустил дым. Я тоже откинулся на расслабоне и оглядел окрестности.

Над рекой раздался гудок.

Баржа черепашным ходом тащила лес вверх по течению. Мальчишки на велосипедах носились вдоль пришибленных домишек. Низко пролетели чайки.

Вдоль Бронкс-Ривер тянулся по берегу жёлто-белый нескончаемый химический товарняк. На проводах расселись, словно по нотам, воробьи. Из дверей соседнего жилища доносился аромат воскресного варева. На траве у дома старичок чинил газонокосилку. Возле нас лениво припал на бочок облезлый пёс.

– Благодать! – выдув кольцо дыма, изрёк оборванец на ступеньках.

– Каждому своё, – старичок глянув на нас, оторвался на секунду от газонокосилки.

– Лично я на небеса не тороплюсь, – продолжил оборванец философски. – Чёртов пастор всё время рассказывает, какие ужасы ждут в аду. А про удовольствия рая он что-то помалкивает, а? – поделился он, ожидая ответа.

Старичок промолчал. Я сидел, просто отдыхая после бурного дансинга.

– Какие там развлечения-то предстоят? Нельзя ли поподробней? – оскалился оборванец. – Женщины? Вино? – он сощурился, сделав затяжку. – Может покер с друзьями на зелёной террасе в окружении эльфов? Проклятье, все наслаждения, о которых мне известно – связаны с грехом! Чем мы там будем вообще заниматься? Опять небось вкалывать, знаю я эти штучки. Уж лучше я свалю к чертям отсюда с грёбаными пришельцами!

Он сунул купюры в карман и ссыпал в ладонь мелочь из миски.

Чайка села на край вывески. Пёс понюхал воздух и, грузно поднявшись, куда-то направился. Я вернулся к велосипеду и покатил вдоль заляпанного краской забора дальше – в Квинс.

Квинс простирается от топких плавунов Ист-Ривер на севере, до песчаных берегов Атлантики на юге. Сверху нависает бывший мэр – аэропорт Ла-Гардия. Снизу бывший президент – аэропорт Джей-Эф-Кэй. Вдоль берега на сервере припрятались в бухтах многочисленные яхт-клубы и пристани. На юге – дюны и топи. Поросшие осокой уходят под воду протяжённые пляжи Рокуэя.

Квинс по численности населения уступает лишь Лос-Анджелесу, Чикаго и... Бруклину. Жителей в протяжённых разлинованных кварталах-блоках набито, как в сельдей в бочке. Кладбища и промзоны. За горизонт уходят крыши Флашинга, Бэй-Сайда и Джамейки.

По берегам Ист-Ривер сплошь и рядом торчат мрачноватые многоэтажные коробки из тёмно-красного кирпича – социальные постройки двадцатых годов. Таких доходных домов начала прошлого века полно и на Манхэттене, и на Брайтоне. Эти высотные монстры навели неизменный ужас на советских эмигрантов: «Ехали-ехали... И на тебе – приехали! Да тут пострашней, чем в Северном Бутово!». Неприкаянный Эдичка проживал в одном из таких домов в центре Манхэттена: «Несчастье и неудача незримо витают над нашим отелем. За то время, что я живу, две пожилые женщины выбросились из окна».

Квинс пронизан нитями железнодорожных путей. Здесь раскинулось огромных размеров депо «Амтрака» – Саннисайд-Ярд. Пока пересекаешь нагромождение конструкций и столбов, торчащих среди путаницы ветвящегося полотна – в голове сами собой начинают проигрываться тяжёлые индустриальные треки... Ветка, ведущая в Монтэк. На электричке до конечной – часа четыре ходу. А там – Красный маяк среди дюн в тупичке Лонг-Айленда. Одноэтажные бунгало.

Эти бунгало когда-то решили проблему дешёвого жилья. Там в Монтэке их впервые и возвели в рекламных целях. Никсон привозил эти дома в Москву на выставку. «Весна в Сокольниках!». На выставке собрали в натуральную величину одноэтажный коттедж и объявили, что этот дом может позволить себе в Америке каждый рабочий! Хрущёв такого стерпеть не мог. Дебаты вспыхнули прямо на кухне выставочного домика. Никсон демонстрировал диковинные

штучки: стиральную и посудомоечную машины. Газонокосилку. Туфли на шпильках. «Пепси-колу». Он показывал фотографии забитых полок супермаркетов и Кадиллаки с открытым верхом. Уязвлённый Хрущёв с ядовитым сарказмом отвечал: «А нету ли у вас агрегата, который ещё и еду в рот кладёт и проталкивает?». Никсон вытянул из Хрущёва обещание продемонстрировать запись «Кухонных дебатов» на советском телевидении. Хрущёв обещание выполнил, но плёнку поставили ночью. За океаном же после трансляции кухонных прений эти картонные домишки стали расходиться, как горячие пирожки. Страну наводнили дома серии «Лейжурама». Одноэтажный мир. Простые конструкции. «А ты бежишь за своей мечтой?» – вопрошали плакаты повюду.

У моста Квинсборо пути, сходясь, ныряют в тоннель под рекой – на Манхэттен к вокзалу Пеннстейшн. Каждую весну на одну ночь движение в этом тоннеле для транспорта закрывается – по тоннелю из Бруклина шествуют слоны старейшего цирка «Барнум энд Бэйли». Выйдя на поверхность в Мидтауне, слоны, степенно шагая сквозь высотные джунгли, доходят до 34-й улицы и сквозь широкие ворота, как к себе домой, проходят в Мэдисон-сквер-гарден на ежегодный цирковой фестиваль. «Добро пожаловать на величайшее шоу на Земле!».

Опоры моста в его середине опускаются на пятачок острова Рузвельта, посреди реки. На остров можно спуститься на лифте. Здесь раскинулся тихий зелёный уголок. Автомобильное движение на острове почти везде запрещено. Квартиры здесь только сдаются в аренду – купить нельзя. На Манхеттен в Ист-Сайд ведёт канатная дорога.

В северной части острова ранее находился госпиталь-изолятор для больных оспой. Их свозили сюда умирать. Больницу эту строили заключённые находившейся здесь же исправительной тюрьмы. В одном из корпусов больницы располагалась женская лечебница для душевнобольных. В конце девятнадцатого века журналистка Нелли Блай, симулировав сумасшествие, проникла в больницу и написала серию разоблачительных статей о жестоком обращении с пациентами.

Эта же бойкая девица вознамерилась однажды совершить кругосветное путешествие и побить рекорд Филеаса Фогга, героя романа Жюль Верна «Вокруг света за восемьдесят дней». Спонсировал вояж сам бог журналистики, родоначальник жанра «жёлтой прессы» – венгр Джозеф Пулитцер, в газете которого Нелли работала. Поездка Нелли Бэй удалась во славу. Она обогнула земной шар за семьдесят два дня обычными пассажирскими средствами: через Нью-Йорк, Лондон, Париж, Сингапур, Гонконг и Сан-Франциско. Сам Жюль Верн был в восторге. Отправил поздравительную телеграмму. Продажи романа подскочили в разы!

Теперь здесь на острове остались только руины старого госпиталя и тюрьмы – ставшие паломническими для многочисленных сталкеров. Ночью развалины мистически подсвечиваются прожекторами.

Поднявшись по западной кромке Квинса до парка Астория, я нашёл въезд на следующий мост и, чувствуя, как наливаются свинцом икры, стал взбираться на высоченный километровый Трайборо-бридж.

Высокое солнце стало напекать голову. Майка намокла. Добравшись до середины моста, я бросил велосипед и, тяжело дыша, сел на приступок. Было легче прыгнуть вниз, чем заставить себя ехать дальше. Впереди до горизонта простирался мрачноватый Бронкс.

Глава 9. Нью-Йорк. Бронкс

Въезд в Южный Бронкс с востока открывает вид на ржавые промзоны. Ангары и трубы. Цилиндры газохранилищ. Заборы и колючка. Царство отчуждённого мира. Утилитарная действительность, один взгляд на которую вгоняет в тоскливую депрессию. Живому тут не место. За сетчатым высоченным забором под кранами на плацу снуёт юркий погрузчик. Тяжёлые металлические звуки пронзают округу. Гудок нервирует птиц, стоя в небе внезапно меняет направление, отшатнувшись. Железо вопит и стонет под ножом циркулярной пилы, летят снопы искр. Ворота всасывают протяжённый товарняк вагон за вагоном. Бездонная утроба переварит всё и не поперхнётся. Заслоняя горизонт, торчат рядом грязноватые краснокирпичные высотки с чёрными лестницами на облупленных боках. Тягучие машинные запахи воспаряют над маслянистыми лужами. Закатное солнце поблёскивает в мутноватых радужных разводах. Бронкс!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.